

ДИСКУРСИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.111'42

О. В. Трунова

ЛИНГВИСТИКА. АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ДИССОНАНСЫ

Отличительной чертой современной научной парадигмы в области лингвистических исследований является интерес к процессам языковой актуализации. В русле сформулированной Ф. де Соссюром концепции разграничения языка, речи и речевой деятельности появляются новые направления, в задачи которых входит изучение механизмов порождения смыслов в ходе реализации базовых функций языка. В аналитическую перспективу включаются проблемы восприятия, интерпретации и оценки, конвенции социальной организации общества, модусы коммуникации. Таким образом формируется междисциплинарное проблемное поле. Появляется новый объект исследования – дискурс. Сущностная сложность объекта и, соответственно, множественность квалификационных и классификационных критериев приводят к разногласиям в толковании термина. Возникает необходимость определения его статуса и выявления характера соотносительности с другими объектами лингвистического анализа, такими как текст, жанр, регистр речи. Эти вопросы, а также вопросы формирования терминосистем составляют предмет рассуждений в настоящей статье.

Ключевые слова: дискурс, текст, жанр, стиль, регистр.

Современная лингвистическая парадигма представляет собой сложный конгломерат концепций и направлений, диверсификационный характер которого сформировался не столько в силу необходимости всестороннего и глубокого изучения объекта данной области научного знания (необходимости, которая действительно существует и определяется многомерностью объекта), сколько по причине возрастающей научной энтропии. Создававшаяся ситуация, к сожалению, во многом объясняется желанием продемонстрировать сопричастность, отдавая дань научной моде (такое вот возрождение своего рода модернизма с явно выступающим лозунгом «наука ради науки»). Достаточной аргументацией в этом плане могут служить широкое увлечение концептологией и появление на этом фоне работ, исследующих, например, «концепт [бык]» или «концепт [лошадь]». Единственным моментом, представляющим определенный научный интерес в данном случае, является сразу возникающий вопрос – всякое ли имя имеет концептуальное содержание. Второй «камень преткновения» (прямотаки в библейском прочтении) представляет недопустимое в науке – поскольку, предполагая разночтения, приводит к казусам интерпретации – многозначное истолкование единиц терминосистемы лингвистического описания.

В отечественной лингвистике был период (60–80-е гг. прошлого столетия), когда на много лет вперед определившие развитие лингвистической мысли постулаты теории языка Ф. де Соссюра не просто не признавались, а попирались. Вместе с тем только один из них, моделируемый в трихотомии «язык – речь – речевая деятельность», поло-

жил начало сразу нескольким направлениям, развиваемым в современном языкознании и философии языка. Это противопоставление прежде всего акцентирует существование языка (*langue*) как системной, хорошо структурированной сущности, заключающей в себе алгоритм собственной актуализации. Понимая и принимая общие законы существования и актуализации системы, сам Ф. де Соссюр, позднее Л. Вайсгербер сравнивали язык с шахматами. Но еще большее подобие выявляется между системой языка и системой музыкальной нотации (ограниченное количество базовых единиц, образующих парадигму, их уровневая организация, наличие законов сочетаемости и комбинаторики, широкая вариативность, множественность выходов).

Языковая система представляет собой сущность коллективного сознания. Как таковая она конвенциональна. Для индивида как пользователя она есть данность. И как таковая она объективна. Справедливости ради следует отметить, что все эти вопросы ставились в отечественной лингвистике такими патриархами науки, как А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба. Дальнейшее развитие и расширение эта теория получила в трудах английских философов основоположников теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля. Сопоставление положений, излагаемых учеными по вопросам указанной трихотомии, позволяет говорить о том, что термин «речь» (*parole*) в концепции Ф. де Соссюра, соотносимый с термином «говорение» в концепциях отечественных языковедов конца XIX столетия, в теории речевых актов обозначен как «локуция» (*locution*). В то время как «речевая

деятельность» (langage) представляет собой целенаправленное действие, детерминированное определенными стратегиями. В терминах теории речевых актов это совокупность «иллокуции» и «перлокуции», характеризующая вербальную коммуникацию.

Около середины прошлого столетия бельгийский ученый Э. Бюиссанс вводит в терминологический аппарат лингвистического анализа понятие «дискурс». Взятое в рамках породившей его теории, это понятие не вызывает каких-либо затруднений в плане его интерпретации и определения объекта номинации. Изначально оно воспринимается как одноплановое понятие речевой деятельности. Однако любая концепция не замыкается внутри самой себя, а стремится вписаться в общенаучную парадигму. И в этом случае, как ни странно, начинают появляться проблемы (особенно характерные для отечественной лингвистики), обусловленные целым рядом факторов. Станным это представляется потому, что термины, образованные от латинских или греческих корней, равно как и термины, заимствованные из современных языков (по большей части языков романо-германской группы), по психологической природе заимствований и по определению должны быть однозначными. Но когда заимствованный или вновь образованный термин накладывается на уже имеющуюся терминосистему, может возникнуть необходимость «разведения понятий». Тогда начинает выстраиваться пирамида [1]. (Так случилось, например, при вхождении в терминологический аппарат отечественной лингвистики терминов когнитологии «концепт» и «категоризация».) Увеличение диапазона терминопотребления требует установления границ объекта. Их устанавливают, вводя классификационные форматы широкого и узкого значения слова. Кроме того, возникает необходимость определить характер соотношенности одноплановых, близких по функциональной нагрузке или кажущихся таковыми явлений, единиц и структур рассматриваемого предметного поля.

Любая, даже кажущаяся очень стройной и непротиворечивой лингвистическая концепция вызывает вопросы и нарекания неполноты охвата объекта. Значимость теории, предложенной Ф. де Соссюром, заключается в том, что в ней разграничивается определенная объективная данность – язык как система, и актуализация этой системы – речь. При этом всеми признается, что речь может быть устной и письменной (как может быть устным и письменным дискурс). Письменная речь терминологически обозначается как текст, свидетельством чему служат укоренившиеся, отмеченные сочетания «текст письма», «текст сочинения», «текст научного сообщения (доклада)», «текст (приветственной

(политической)) речи», «текст законопроекта», «художественный текст». Вместе с тем четкого терминологического определения текста как объекта таких направлений его изучения, как текстология, теория текста, лингвистика текста, анализ дискурса, нет.

Равным образом нет единства мнений и относительно того, что есть дискурс. Ни его «функциональное» толкование как «особого использования языка для выражения особой ментальности, а также особой идеологии», ни попытка некоторой конкретизации в его представлении как «вербализованной речемыслительной деятельности» (кстати сказать, содержащем тавтологию), ни широко цитируемая во всех трудах по этой проблеме красивая метафора, определяющая дискурс как «речь, погруженную в жизнь», ничего не добавляют к пониманию сущности этого феномена. В большинстве отечественных работ в рамках этой проблематики рассмотрение вопроса начинается *ab ovo*: чаще от использования термина у З. Хэрриса, незаслуженно реже – у Э. Бюиссанса.

В плане развития теории (или, точнее, обзора имеющихся исследований) цитируются положения известных в этой области ученых, таких как Э. Бенвенист, У. Чейф, Т. А. ван Дейк. В ряде случаев предпринимаются тщетные попытки раскрыть этимологию слова посредством дефиниционного анализа. Тщетные, поскольку также не проясняют сущности вопроса. Ни одна работа не обходится без представления синопсиса известных публикаций П. Серио «Как читаются тексты во Франции», реже «Почему Бахтин не Пешё? Об одном большом недоразумении по поводу анализа дискурса».

Оснований, чтобы пересказывать известные положения еще раз, нет. Однако обращают на себя внимание два момента: первый – каждый, пытаясь найти опору (или подпорку) собственным рассуждениям, видит только то, что хочет увидеть (в основном это восемь вариантов определения термина «дискурс»); второй – нигде не эксплицируется, не рассматривается и не объясняется положение о том, что объектом дискурс-анализа является текст, причем не текст как отдельная структура, большая, чем предложение, а текст как единица определенной парадигмы однопорядковых объектов. «Не проповеди как проповеди и не политические листовки как политические листовки интересуют анализ дискурса (АД). В АД исследуется совокупность проповедей или листовок в том смысле, в котором они указывают в социальном плане на определенную идентичность в процессе высказывания, исторически очерчиваемую» [2, с. 22–23]. Между тем именно это утверждение определяет текст как актуализационную единицу языка, входя-

щую в дискурс на условиях иерархической включенности, а собственно лингвистический статус дискурса – как уровень интерпретации текста. И именно это утверждение составляет основу хорошо известной функциональной (социолингвистической) классификации дискурса, структурируемой дихотомией персонального/институционального типов, предложенной В. И. Карасиком [3, с. 277–280]. Ни в коей мере не претендуя на какое бы то ни было вмешательство в эту целостную концепцию, принимая во внимание признание ее автором возможности расширения реестра в плане выявления типологии дискурсов, необходимо признать существование еще одного типа – художественного дискурса [4].

Наиболее адекватное объекту определение дискурса представляет его как «устойчивую, социально и культурно определенную традицию человеческого общения» [5, с. 98]. Еще более полная дефиниция определяет дискурс как «вербальную форму объективации содержания сознания, регулирующую доминирующим в наличной социокультурной традиции типом рациональности» [6]. Формально ее отличие заключается в том, что она формулируется на основе концептуального аппарата когнитивной лингвистики. Но главное ее преимущество состоит в установлении языковой природы рассматриваемого явления.

В рамках каждого из обозначенных в дискурсологии типов дискурса отчетливо выступают регистры его реализации, конкретизирующиеся в жанровой специфике. Например, академический (научный в терминологии В. И. Карасика) дискурс предполагает такое жанровое проявление, как реферат, научная статья, диссертация (письменный формат), доклад, лекция, публичное выступление (устный формат); для религиозного дискурса – это молебен, исповедь, проповедь (устный формат), псалмы, молитвы, акафист (письменный формат, собственно текст); для политического дискурса это может быть выступление в парламенте, политические дебаты (устный формат), политическая аналитика, резюме, декларация, законопроект (письменный формат). Художественный дискурс преимущественно проявляется в письменном регистре и предполагает широкое разнообразие жанров и стилей. В последнем случае наблюдается настолько широкая научная полифония уже на стадии определения базовых терминообозначений, что на это следует обратить особое внимание.

Принятое в русистике понимание соотношений стиля и жанра основывается на положениях стилистической концепции И. Р. Гальперина. В рамках этой концепции статус стиля определяется как иерархически более высокий по отношению к жанру, поскольку считается, что определенный «стиль

включает разные жанры» [7]. Этот постулат долгое время принимался (и принимается в отечественном языкознании) в качестве исходного при определении соотношений стиля и жанра. Причина такого толкования соотношения жанра и стиля, по-видимому, кроется в недифференцированном подходе к определению стиля как выразительных средств системы языка и функциональных стилей как конвенциональных правил использования языковых единиц в речи. Вместе с тем еще М. М. Бахтин представил научному лингвистическому сообществу четкую теорию жанров, определяя жанр как исторически сложившийся устойчивый тип текста, для которого характерно единство формы и содержания [8]. При этом для каждого жанра существуют определенные параметры актуализации: типичные ситуации и характер стилистической оформленности.

Причины такой научной полифонии очевидны. Во-первых, это тот факт, что в отечественном языкознании очень сильна приверженность традиции (что, не будучи возведенным в абсолют, безусловно, может быть оценено как позитивная – хотя не всегда достаточная – основа развития теории). Во-вторых, это то, что главным аргументом в подтверждение многих научных рассуждений достаточно часто является *argumentum ad hominem*. В-третьих, заимствование «чужих» терминов в собственный терминологический аппарат может происходить из разных языков и порождать терминологические дублеты. В результате одно и то же явление может иметь несколько обозначений.

В преломлении к теории дискурса жанр, соответственно, должен трактоваться как тип построения и оформления текста, определяемый конвенциями социокультурной ситуации, целеустановки и коммуникативных стратегий. Таким образом, жанр представляет собой форму передачи определенного содержания, определенной информации и предопределяет стиль как способ ее передачи. В то время как «функциональные стили» есть не что иное, как регистры речи [9]. Если пренебречь тем фактом, что в отечественной русистике термин «регистры речи» используется как терминологический дублет «коммуникативных типов речи» [10], оставив все-таки «коммуникативным типам речи» их истинный объект, можно выстроить сеть отношений и зависимостей, характеризующих текстотип: «жанр – стиль – регистр – формат». Поскольку терминологические определения каждой из составляющих эту тетраду хорошо известны, а их понимание автором данной работы описано выше, следует остановиться несколько подробнее на собственно характере зависимостей в ней.

Следует еще раз подчеркнуть, что жанр произведения предопределяет его стиль и регистр.

Стиль, в свою очередь, демонстрирует жанровые особенности. Изменения стилистического характера двунаправлены, поскольку их внесение в текст или его прочтение способны изменить жанровую классификацию текста и уровень регистра. Так, например, жанр спектакля «Лондон шоу» (по пьесе «Пигмалион») в афише театра «Сатирикон» обозначен в полном соответствии с тем, как видел его сам Бернард Шоу, – комедия. Однако характер прочтения пьесы режиссером, который (оговоримся), безусловно, имеет право на собственное понимание и интерпретацию описываемых событий, а также манера исполнения, характерная для этого театра, изменяют стилистику пьесы. Юмор сменяется иронией, гиперболизация акцентов способствует гротескному изображению героев, гиперэмоциональность (совсем не характерная для англичан) и часто свободный перевод, приближенный к русскому сленгу, изменяют жанровый статус пьесы, превращая ее в буффонаду. (Еще раз подчеркну, это не критика увиденного, это пример того, как работают законы жанра.)

Можно привести еще один пример, более близкий академическому дискурсу. Достаточно часто

(почти всегда) начинающие исследователи при написании «малых научных форм», руководствуясь, по-видимому, желанием изложить суть проблемы как можно более просто и доступно для понимания, используют стилистику и регистр очерка. Это касается не только несоблюдения структуры, соответствующей жанру научной статьи, использования клише, отсутствия четкой аргументации высказываемых постулатов и отсылок к авторам, чьи научные положения берутся за основу собственного научного труда, но и использования разговорных оборотов, структур, стилистических приемов.

Следует, очевидно, признать, что каждому жанру присущи свои особенности экспликации, позволяющие говорить о «стилистике жанра» (выбор языковых средств). Жанр (текстотип) в каждом отдельном случае определяется целевой установкой коммуникативного акта (речевая актуализация) и социальным статусом аудитории (дискурс). Вместе с тем жанровое разнообразие вербальной экспликации мироосознания настолько велико, а понятие стиля настолько широко, что, несмотря на многочисленные публикации, в этом проблемном поле остается еще достаточно много лакун.

Список литературы

1. Лещак О. В. Теория дискурса – теории дискурса – теории дискурсов: к вопросу о возможности создания частных лингвистических теорий. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/xmlui/bitstream/handle/123456789/55010/131-Leshchak.pdf?sequence=1> (дата обращения: 18.12.2015).
2. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 12–53.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 478 с.
4. Трунова О. В., Трунова Н. В. Многомерность времени художественного дискурса // Материалы XI междунар. конф. «Языки и культуры в современном мире». Париж, 2–7 июня, 2014 г. М., 2014. С. 306–310.
5. Силантьев И. В. Текст в системе дискурсивных взаимодействий // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 98–123.
6. Усманова А. Р. Дискурс, дискурсия // Энциклопедия социологии. URL: <http://slovari.yandex.ru/art.xml?art=sociology/soc/soc0327.htm&encpage=sociology&mrkp=http%3A//hghltd.yandex.com/yandbtm%3Furl%3Dhttp%253A//encycl.yandex.ru/texts/sociology/soc/soc327.htm%26text%3D%25E4%25E8%25F1%25EA%25F3%25F0%25F1%26reqtext%3D%25E4%25E8%25F1%25EA%25F3%25F0%25F1%253A%253A1280168%26%26isu%3D2> (дата обращения: 20.01.2016).
7. Гальперин И. Р. О понятиях «стиль» и «стилистика» // Вопросы языкознания. 1973. № 3. С. 14–25.
8. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159–206.
9. Biber L., Conrad S. Register, Genre and Style. Cambridge University Press, 2009. 344 p.
10. Золотова Г. А. К вопросу о структуре текстов разного коммуникативного назначения // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 322–328.

Трунова О. В., доктор филологических наук, профессор.

Московский городской педагогический университет.

2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, корпус 2, Москва, Россия, 129226.

E-mail: lachesis47@mail.ru

Материал поступил в редакцию 29.02.2016.

O. V. Trunova

LINGUISTICS. ACADEMIC DISCOURSE: TERMINOLOGICAL DISSONANCES

A distinctive feature of contemporary linguistic research is its engagement with language actualization processes. This point finds its foundation in F. de Saussure's conception distinguishing language, speech and speech activity which has given rise to various new trends with the purpose of exposing and examining the sense generating mechanisms of language in work. Analytical perspectives comprise a diversity of problems including the psychology

of perception, interpretation and assessment of various phenomena, conventions of societal structures and communication modi. This originates a new interdisciplinary problem-solving plane with a new subject termed “discourse”. The phenomenon complexity and, consequently, the multiplicity of qualification and classification criteria bring forth a discord in the term (as well as the phenomenon) interpretation. There springs up a necessity to define its (the term and the phenomenon) status, correlations with other objects of linguistic analysis, such as text, genre, register. All these points, as well as the problem of term coinage and usage are in the focus of the article.

Key words: *discourse, text, genre, style, register.*

References

1. Leshchayk O.V. *Teoriya diskursa – teorii diskursa – teorii diskursov: k voprosu o vozmozhnosti sozdaniya chastnykh lingvisticheskikh teorii* [Theory of discourse – theories of discourse – theories of discourses: on the question of private linguistic theories development]. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/xmlui/bitstream/handle/123456789/55010/131-Leshchak.pdf?sequence=1> (accessed 18 December 2015) (in Russian).
2. Serio P. Kak chitayut teksty vo Frantsii [How texts are read in France]. *Kvadratura smysla. Frantsyyskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of Meaning: the French School of Discourse Analysis]. Moscow, 1999. Pp. 12–53 (in Russian).
3. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Person, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 478 p. (in Russian).
4. Trunova O. V., Trunova N. V. *Mnogomernost' vremeni khudozhestvennogo diskursa* [Multidimensionality of Time in the Fictional Discourse]. *Materialy XI mezhdunarodnoy konferentsii “Yazyki i kul'tury v sovremennom mire* [Proceedings of the international conference “Languages and cultures in the modern world”. Paris, June, 2–7, 2014]. Moscow, 2014. Pp. 306–310 (in Russian).
5. Silant'yev I. V. *Tekst v sisteme diskursnykh vzaimodeystviy* [Text in the system of discourse interactions]. *Kritika i semiotika – Criticism and Semiotics*, 2004, no. 7, pp. 98–123 (in Russian).
6. Usmanova A. R. *Diskurs, diskursiya* [Discourse, discoursing]. *Entsiklopediya sotsiologii – Encyclopedia of Sociology* (in Russian). URL: <http://slovari.yandex.ru/art.xml?art=sociology/soc/soc0327.htm&encpage=sociology&mrkp=http%3A//hghltd.yandex.com/yandbtm%3Furl%3Dhttp%253A//encycl.yandex.ru/texts/sociology/soc/soc327.htm%26text%3D%25E4%25E8%25F1%25EA%25F3%25F0%25F1%26reqtext%3D%25E4%25E8%25F1%25EA%25F3%25F0%25F1%253A%253A1280168%26%26isu%3D2> (accessed: 20 January 2016).
7. Gal'perin I. R. O ponyatiyakh “stil” i “stilistika” [About the notions “style” and “stylistics”]. *Voprosy Yazykoznaviya – Issues of linguistics*, 1973, no. 3, pp. 14–25 (in Russian).
8. Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov* [The problem of speech genres]. *Sobraniye sochineniy* [Collected works]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 1996. Vol. 5. Pp. 159–206 (in Russian).
9. Biber L. Conrad S. *Register, Genre and Style*. Cambridge University Press, 2009. 344 p.
10. Zolotova G. A. *K voprosu o strukture tekstov raznogo kommunikativnogo naznacheniya* [On the structure of the texts with different communicative purposes]. *Yazykovaya sistema i ego razvitiye vo vremeni i prostranstve* [Language system and its development in time and space]. Moscow, MSU Publ., 2001. Pp. 322–328 (in Russian).

Trunova O. V.

Moscow City Pedagogical University

2-y Selskokhozyaistvennyy proezd, 4, building 2, Moscow, Russia, 129226.

E-mail: lachesis47@mail.ru